

Список литературы

1. Анчиполовский З.Я. Времена Максима Горького: (Судьба драматургии писателя в провинциальных городах России начала XX в.). Воронеж: Логос, 1993. 202 с.
2. Максим Горький и Самара / сост. Л.А. Финк., В.З. Иванов-Паймен. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1968. 430 с.
3. Очерки истории русской театральной критики. Конец XIX – начало XX века. Л.: Искусство, 1979. 327 с.

*E.S. Sukhinina, Yu.A. Kozlova
(Samara)*

THE FATE OF THE DRAMATICS OF MAXIM GORKY ON THE SAMARA SCENE (1901-1905)

***Abstract:** The article presents a small experience of consideration of the dramaturgy of M. Gorky in the Samara / Kuibyshev Theater. This mastering of the material is connected with two problems: the comprehension of theatrical productions as the interpretation of a work of art and the presentation of a regional cultural field through the understanding of the theatrical repertoire and the aesthetic level of critical reception.*

***Key words:** drama, theater, production, interpretation, critical reception.*

*Н.А. Жафинов
(Самара)*

ТЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ПОВЕСТИ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «ОЗЕРНЫЙ ФРОНТ»

***Аннотация:** статья посвящена повести К.Г. Паустовского «Озерный фронт», написанной после его поездки на русский Север. В центре сюжета – малоизвестный эпизод гражданской войны. Однако основное внимание писатель уделяет не историческим событиям, а нравственным коллизиям, в которые попадает человек на войне. Автор статьи исследует черты новой исторической прозы, которая выделяет К.Г. Паустовского среди советских писателей.*

***Ключевые слова:** Паустовский, историческая проза, гражданская война, лиризм, «маленькие повести».*

В начале 1930-х годов у К.Г. Паустовского пробуждается интерес к истории. Это объясняется совпадением ряда объективных и субъективных факторов: с одной стороны, переменами в общественно-политической ситуации, развитием исторической тенденции в советской литературе, с другой — тем, что в это же время наступает переломный этап творчества Паустовского. Он уходит от экзотики своих первых произведений и обращается к исторической тематике. В исторических произведениях Паустовский избирает своеобразный аспект изображения событий: не сам исторический факт, а его нравственное содержание. Ему важно выразить свое собственное отношение к факту, добиться максимальной убедительности в изображении характеров. Эпоха скорее угадывается, чем узнается, становится необходимым фоном. Прошлое интересует Паустовского в связи с современностью.

Весной 1932 года Паустовский пишет «Судьбу Шарля Лонсевиля», и чуть позже «Озерный фронт» (1933), затем еще несколько рассказов, которые объединяет в «северный цикл». Они вполне соответствуют пафосу переустройства жизни, характерному для советской литературы того времени, но в то же время в них проявляется и свой собственный художественный стиль, дающий возможность избежать прямого идеологического высказывания, найти свою нишу.

«Озерный фронт» — историко-революционная повесть о событиях 1919 года в Карелии. События происходили в 1919 году в селе Толвуе, на полуострове Заонежье. С севера на Петрозаводск наступали две белые армии. Олонецкая добровольческая армия, состоявшая из финнов, прорвалась из Финляндии к Лодейному Полю. Северная добровольческая — густая смесь из английских, сербских, американских и русских белых отрядов — двигалась из Мурманска вдоль железной дороги. Её называли «армией англичан».

Главный герой повести — капитан Тренер. Ф.Р. Макарова, работая с историческими материалами, пришла к выводу, что у него есть реальный прототип — Э.С. Панцержанский [Макарова 1972: 73]. «Э.С. Панцержанский — один из видных деятелей советского Военно-Морского флота. В 1910 году окончил морской корпус. В октябре 1917 года он, будучи кадровым офицером, безоговорочно принял революцию. Правительство поручает Панцержанскому ответственные посты. В 1918-1920 годах он командует Онежской военной флотилией, в 1920-1921 годах — начальник Морских сил СССР» [Морозов 1963: 7]. Панцержанский был тесно связан с Карелией во время гражданской войны. В 1918 году под его руководством в короткий срок на Александровском заводе обыкновенные буксиры были переоборудованы в военные корабли. В 1919 году

Онежская флотилия под его командованием одержала победы в Видлицкой операции и в сражении под Лижмой.

К.Г. Паустовский по рекомендации М. Горького, который задумал издавать серию книг под рубрикой «История фабрик и заводов», отправился в Петрозаводск. Во время этой поездки Паустовский пишет «Судьбу Шарля Лонсевия» и знакомится с историей гражданской войны в Карелии. Как и для очерка о Петровских заводах, ему была нужна колоритная фигура. Конечно, его сразу привлекает личность Панцержанского.

По свидетельству современников, Панцержанский был человеком образованным и эрудированным. Таким же нарисован и Тренер, о чем свидетельствует его яркая и образная речь: «Вот молодость! – подумал Тренер, – Пенья до рассвета, холодная вода Великой, запах цветущих лип...» [Паустовский 1969: 58]. «Сражения – это дым», – пробормотал он сквозь дремоту. Кто это сказал? Какая чепуха! Должно быть, кто-нибудь из английских военачальников. По старым английским традициям, каждый боевой генерал, умирая, говорил какую-нибудь глупость, вроде того, что война, как и все явления в мире, необходима. «Англия надеется, что каждый исполнит свой долг» – это самое неудачное из выражений Нельсона» [Паустовский 1969: 60].

Панцержанский был талантливым флотоводцем и храбрым моряком. В повести мы видим героя с благородными чертами. Тренер хорошо ориентируется в боевой обстановке, оценивает создавшееся положение перед стычкой с армией англичан в Толвуде. Паустовский неоднократно подчеркивает в Тренере мальчишество, юношескую неумелость души: «Сарвинг и Мартайнен ушли. Тренер остался. Он был любопытен. Жгучее любопытство преследовало его все время. Несмотря на свои сорок лет, он увлекался множеством вещей. Он походил на мальчика, старающегося во что бы то ни стало сломать игрушку, чтобы заглянуть внутрь. Жизнь была для Тренера подобна этой игрушке. Он любил разбирать механизмы, расспрашивать людей, читать научные исследования, спорить [Паустовский 1969: 55].

«Панцержанский – человек возвышенного образа мыслей, поэт и романтик, в то же время трезвого военного практицизма» [Макарова 1972: 73]. В повести мы видим, что Тренер не только тактик и моряк, но и творческая личность: «Меня занимает, – Тренер смущенно улыбнулся, – одна мысль. Когда кончится война, я попытаюсь изложить ее на бумаге. Я хочу написать книгу. Мне кажется, я найду способ предотвратить новое нашествие льдов» [Паустовский 1969: 65].

Сказать о его неожиданных качествах, которые раскрываются в ходе развития событий, мы не можем, потому что «характеры героев исторической прозы Паустовского чаще всего статичны» [Макарова 1972: 73-74]. Но в образе Тренера Паустовский стремится к психологизму.

Создавая героя «Озерного фронта» Эдуарда Тренера, писатель не списывает слепо портрет и судьбу прототипа, а создает художественный образ, в котором переплетаются черты реального и вымышленного. Прямое указание на историческую личность обязало бы Паустовского строго придерживаться рамок изображения реальных событий и реального лица, то есть следовать за «правдой факта». Но для него важнее создание ярких и самобытных героев, которые проявляют черты характера в сложных неоднозначных ситуациях. Поэтому Паустовский как бы вдыхает жизнь в образы, с которыми знакомится, работая с историческими документами.

В «Озерном фронте» важно не только событие, но и его нравственная сторона, то, как оно воздействует на человека, меняет его внутренний, духовный мир.

Одной из таких нравственных тем в повести становится проблема героизма на войне. Какой поступок можно считать подвигом? Об этом рассуждают герои произведения:

«Так и быть, поговорим о героизме, — согласился Сарвинг. — Понятие, конечно, туманное. Например, ваш угреватый артиллерист, когда заело зенитное орудие, грозил английскому летчику кулаком. Героизм это или нет? Летчик капнул на него бомбой и оторвал руку. Ставлю этот вопрос на обсуждение. Вот черт, как скребет! <...> Тоже нашли героя, — рассердился Мартайнен. — Если бы ему не оторвало руку, я упек бы его под арест. Он должен был чинить орудие, а не махать кулаками.

— Ну, хорошо! Возьмем другой случай с тем же самым артиллеристом. Под Видлицей он блевал от страха, но во время боя сбил неприятельские батареи. Что вы на это скажете?

— Это героизм, — согласился Мартайнен» [Паустовский 1969: 90].

В этом фрагменте дано несколько точек зрения. Тренер не согласен с Сарвингом и Мартайненом, ведь у него складывается свое мнение о нравственности о войне. Так Паустовский показывает, что даже подвиг невозможно оценить однозначно. В то же время Тренер, слушая этот разговор, вспоминает человека, о поступках которого идет речь. Они были хорошо знакомы, потому что сразу обратили внимание друг на друга. Перед этим эпизодом дается подробное описание последних дней жизни Гущина. Сначала мы узнаем о его смерти, обстоятельства которой передавались участ-

никами событий. В тексте же официального рапорта нет подробностей его гибели. Позже автор сообщает, что Федор Гушин погиб на рассвете на второй день высадки десанта. Автор здесь выступает как безоценочный повествователь, для того, чтобы показать разные черты характеров нескольких героев. По военным законам Гушин – дезертир, за что должен быть наказан. Но он взрывает стратегически важный объект – мост, по которому проходили бронепоезд Белой армии.

Подвиг в повести совершает не главный герой. Но и Тренер показывает себя смелым бойцом и умным тактиком. Паустовский показывает, что судьба отдельно взятого человека связана с жизнями других людей. Все вместе это составляет одну большую историю.

«Озерный фронт» наполнен лирическими деталями, пейзажными зарисовками, контрастными характерами, отступлениями от основного сюжета. Например, в повести мы неоднократно встречаем тексты песен: «Душа у меня горит, Эдуард Петрович!» – но Тренер не слышал. Он шел и пел свою любимую песенку:

*Кто ты, певунья, я не знаю,
Но звонким песням на реке
Я часто издали внимаю
В своем убогом челноке, –
Гушин вздохнул и закрыл глаза.*

[Паустовский 1969: 89]

Их поют не только главные герои, но второстепенные, например, солдаты Шервурда.

*Взойди скорей, звезда моей отчизны,
Далекий край измучил сердце мне.
Что делать, брат? Беду солдатской жизни
Не утопить в вине.*

[Паустовский 1969: 72]

Вставные эпизоды, рассказанные лирическими субъектами, свойственны композиции почти всех «маленьких повестей». Например, в «Судьбе Шарля Лонсевиля» – это история восстания Петровского завода, в «Мешорской стороне» – глава «Несколько слов о приметах». В «Озерном фронте» – рассказ о судьбе Шервурда и Кейри. Шервуд, лейтенант отряда американских солдат, спасаясь бегством от преследования Сарвинга, в переулке натолкнулся на учительницу. Она спешила с девочкой, чтобы спрятаться от обстрела. Шервуд задел учительницу плечом и отскочил. Раздался взрыв, и он бросился дальше. «Солдаты бежали за ним. Один из них перепрыгнул через упавшую девочку, остановился, показал себе на голову, что-то яростно прокричал по-английски

и побежал дальше. Девочка была убита осколком ручной гранаты в висок. Очевидно, Шервуд уронил гранату, наткнувшись на учительницу» [Паустовский 1969: 57]. В этом эпизоде снова встает нравственная проблема, но уже не подвига на войне, а выбора, и ее теперь решают второстепенные герои. Шервуд и американские солдаты проявили малодушие в критической ситуации. Вместо того чтобы сопротивляться отряду Сарвинга или помочь учителю и ее дочери, они оставляют их. А сержант Кейри через полгода после описываемых событий на суде расскажет, как Шервуд заставил его казнить пленного. Но он отпускает солдата и убивает Шервуда. Таков выбор Кейри, для него это вопрос чести: «Я сделал то, что нахожу нужным. Все дальнейшее хорошо известно» [Паустовский 1969: 71]. Сержанта приговаривают к смертной казни.

В повести меняется восприятие событий, а вместе с ним и точка зрения на изображаемое. Такая повествовательная стратегия связана с тем, что проза К. Паустовского имеет сильное лирическое, субъективное начало: важно изобразить, как человек в любой момент может стать фигурой, от которой зависит ход исторического события. То, как каждый герой проходит испытания, ожидающие его впереди, выходит на первый план.

Война не может «списать» даже одну незначительную жертву — случайное убийство маленькой девочки и неизбежное горе ее матери. Паустовский не делает различий между большими и малыми поступками, между геройским поведением и порядочностью в частной жизни. Поэтому большая история войны сужается до «истории» жизни отдельного человека, отсюда, все можно понять и даже простить, кроме неоправданной жестокости и непорядочности.

В исторических повестях Паустовский оценивает далекое прошлое, недавние события и современность. В «Озерном фронте» отражается недавнее прошлое. Это наименее известный эпизод гражданской войны, связанный с участием стран Антанты, в частности, Англии. В повести мы не сразу находим приметы исторического времени, потому что лирическое начало становится мерилем, судьей истории, какой бы она ни была: давняя, недавняя, сегодняшняя.

Список литературы

1. Левицкий Л.А. Константин Паустовский. Очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1977. 408 с.
2. Макарова Ф.Р. О некоторых особенностях исторических повестей северного цикла К. Паустовского // Литература и общество. Ученые записки ПетрГУ. Филологические науки. Петрозаводск, 1972. Том 18. Вып. 3. С. 66-84.

3. Морозов К. Э.С. Панцержанский (биографическая справка) // На рубеже. 1963. № 6. С. 7.

4. Паустовский К.Г. Озерный фронт // Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 8 т. М. Худож. лит., 1969. Т. 6. С.53-92.

N.A. Zharinov
(*Samara*)

THE THEME OF CIVIL WAR IN THE NOVEL K.G. PAUSTOVSKY «THE LAKE FRONT»

Abstract: The article is devoted to the story «The Lake Front», one of the historical stories by K.G. Paustovsky, written after his trip to the Russian North. In the center of the plot is a little-known episode of the Civil War. However, the writer pays the main attention not to historical events, but to the moral collisions that a person gets into the war. The author of the article examines the features of the new historical prose, which distinguishes K.G. Paustovsky among the soviet writers.

Keywords: Paustovsky's creativity; historical prose; Civil War; lyricism; «Little novels»; historical tendency.

A.C. Крюкова
(*Самара*)

ЗРЕНИЕ И СЛЕПОТА: СМЫСЛОВЫЕ КАМЕРТОНЫ РОМАНА ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «КАМЕРА ОБСКУРА»

Аннотация: статья посвящена анализу зрительных стратегий, реализующихся на уровне системы персонажей в романе В. Набокова «Камера обскура». Противопоставленность набокловских героев по способу визуального постижения действительности — основа семантического пространства текста.

Ключевые слова: зрение, слепота, кино, двойничество, визуальность, катастрофа.

Набоковская «Камера обскура» — экспериментальное произведение, где кино присутствует не только в виде материала художественного исследования, — оно становится и орудием такого исследования. Об этом заявлено уже в названии романа, ведь камера обскура — это простейший тип устройства для получения оптического изображения объектов (тёмная комната с маленьким отверстием в стене). Кинематограф в романе — больше, чем просто тема, —